

той, когда его зовут, а, упираясь, тащится против воли. На людей, умирающих таким образом, они смотрят с ужасом, усопших выносят в печали и молчании и зарывают труп в землю, помолвившись милостивому Богу, чтобы в кротости Своей простил Он их слабости.

Напротив, того, кто скончался радостно, полный доброй надежды, никто не оплакивает, погребение таких людей сопровождают пением и с великим чувством препоручают их души Богу; тело же, наконец, более с почетом, чем со скорбью, сжигают, а на месте сожжения воздвигают колонну, на которой вырезана надгробная надпись об усопшем. Вернувшись домой, они вспоминают его нрав и дела, и ни одна сторона его жизни не обсуждается чаще и охотнее, чем его радостная кончина.

Они полагают, что эта память о стойкости – весьма действенное поощрение для живых, дабы стали они людьми добродетельными; думают также, что этот обряд весьма приятен усопшим; по мнению утопийцев, усопшие тоже участвуют в этих беседах, хотя их и не видно (оттого что у смертных слабое зрение). Ибо лишение свободы переселяться, куда они пожелают, не согласуется с уделом счастливых; умершие были бы вовсе неблагодарными, если бы им не хотелось увидеть своих друзей, с которыми при жизни связывала их обоюдная любовь и доброта; они думают, что у хороших людей эти качества, как и прочие добрые свойства, после смерти скорее увеличиваются, чем уменьшаются. Следовательно, они верят, что мертвые пребывают среди живущих, наблюдая за их словами и поступками; поэтому, словно полагаясь на таких защитников, утопийцы принимают за свои дела весьма решительно, и вера в присутствие предков удерживает их от тайной бесчестности.

Гадания и прочие предсказания, проистекающие от пустого суеверия, находящегося у других народов в великом почете, утопийцы полностью презирают и даже высмеивают. Чудеса же, которые происходят безо всякой помощи природы, они почитают как деяния и свидетельства присутствия божественной воли. Они говорят, что подобное у них встречается часто, и иногда в делах великих, а также затруднительных они с полной верой свершают общие молебствия и добиваются желаемого.

Они полагают, что созерцание природы и хвала за это – дело, угодное Богу. Однако есть такие – и их, конечно, немало, – которые, побуждаемые религией, отвергают науки и не стремятся ни к какому знанию; у них нет никакого досуга, они решили заслужить счастье, которое наступит после смерти, только лишь одними делами, а также доброй услужливостью по отношению к прочим людям. Поэтому одни заботятся о больных, другие исправляют дороги, чистят канавы, чинят мосты, режут дерн, выкапывают песок, камни, валят деревья и рубят их, возят на телегах в город дрова, зерно, а также другие вещи, ведут себя как слуги не только по отношению к государству, но и по отношению к частным лицам и делают больше, чем рабы. Ибо они охотно и весело принимают повсюду за любое тяжелое и грязное дело, от которого очень многих отпугивает работа, отвращение и безнадежность; они заботятся о досуге для прочих, а сами постоянно пребывают в деле и в труде, однако не ставят этого в счет другим, не насмеваются над их жизнью и не превозносят свою. Чем более они уподобляются рабам, тем более их все почитают.

У них, однако, есть две школы. Одни неженатые; они не только воздерживаются от Венеры, но и не едят мяса. Некоторые – даже вообще никакой животной пищи. Отвергнув вовсе удовольствия земной жизни как вредные, бдением и постом жаждут они только жизни будущей; в надежде скоро ее обрести они меж тем пока радостны и бодры.

Другие не менее привержены к труду, но предпочитают супружество, не отказываясь от его утех и полагая, что они по долгу своему перед природой должны дать отечеству детей. Они не избегают никакого удовольствия: если оно не отрывает их сколько-нибудь от труда. Они любят мясо четвероногих животных, потому что считают, что от такой пищи станут более сильными и годными для любой работы.

Утопийцы полагают, что эти люди разумнее, но те – более благочестивы. Если бы они, предпочитая супружество безбрачию, ставя суровую жизнь выше спокойной, опирались бы на доводы разума, то над ними смеялись бы; теперь же, когда они говорят, что их побуждает к этому религия, на них взирают с почтением и уважением. Ведь утопийцы с наибольшей озабоченностью следят за тем, как бы ни о какой религии не сказать чего-нибудь опрометчиво. Такого рода люди – те, которых они на своем языке называют по-особому «бутрески»; это слово можно истолковать как «святые».

Священники в Утопии обладают исключительным благочестием, поэтому их в каждом горо-